

§ 11. РАЗВИТИЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ПИСЬМО ГРЕКО-РИМСКОГО ВРЕМЕНИ. КРИПТОГРАФИЯ

На протяжении своей многовековой истории египетское иероглифическое письмо видоизменялось: некоторые знаки выходили из употребления, создавались новые, старые приобретали иные формы и т. д. Все эти изменения были в основном чисто внешними (лишь в отдельных случаях они касались значения знаков) и не затрагивали главного принципа иероглифического письма — комбинации фонограмм и идеограмм. Конечно, орфография отдельных слов также видоизменялась, но суть иероглифического письма на всем протяжении его истории не подвергалась каким-либо серьезным изменениям.

Опытные египтологи могут довольно точно датировать тексты по очертаниям знаков. Однако иероглифическая палеография до сих пор не создана, и в этой области не существует никаких трудов общего и систематического характера, что объясняется огромной трудностью выполнения подобной работы. В специальных египтологических журналах рассеяно множество мелких статей и заметок о происхождении, значении и истории отдельных иероглифических знаков, но все это вместе взятое является лишь каплей в море. Поэтому мы лишены возможности хотя бы схематично и кратко набросать историю иероглифического письма и ограничимся здесь лишь беглыми замечаниями.

Иероглифы тинисского периода (т. е. времени первых двух династий) еще неуклюжи и грубы, их контуры не очень стабильны. Так, например, знак F34, изображающий сердце и имеющий фонетическое значение *ib*, на протяжении первых двух династий неоднократно изменял свой облик¹. Причем [51] его первоначальная форма отличалась от более поздней настолько, что даже такие опытные исследователи, как Г. Масперо, Р. Вейль, К. Зете и А. Гардинер, однажды были введены в заблуждение, и на печатке, опубликованной Фл. Питри, приняли этот знак за другой. По предположению Г. Годрона, изучающего эпиграфику тинисского периода, составлять образцовые списки иероглифических знаков стали после I династии, что и должно было послужить стабилизации и четкости их начертаний в последующие времена². Соответствует эта догадка действительности или нет, сказать нельзя. Во всяком случае иероглифы из гробниц знатных вельмож V и VI династий отличаются художественным выполнением, и вряд ли можно сомневаться в том, что писцы-художники пользовались в своей работе списками образцов иероглифических знаков³. Именно благодаря художественности исполнения иероглифы Древнего царства позволяют определить, что именно они изображали.

Для начала Среднего царства (XI династия) характерны особые формы ряда знаков, почти не применявшиеся в другие времена. Так, например, знак G29, фонограмма *b3* в этих текстах встречается в виде (а не)⁴, т. е. птица не имеет хохолка на груди; знак H1, изображающий птичью голову с частью шеи и употребляющийся в заупокойной жертвенной формуле для обозначения слова *3pd* "птица", пишется в обратном направлении, т. е. клюв птицы обращен не в ту сторону, в которую обращены в данном тексте готовы людей и животных; знак F31, фонограмма *ms* пишется не , как обычно, а с маленькой петлей наверху и т. д.⁴

Знак (D19), изображающий нос, глаз и часть щеки и имеющий фонетическое значение *hnt* только со второй половины XVIII династии начинает применяться как фонограмма в слове *hntj* "находящийся впереди", по его употреблению можно уже приблизительно датировать текст; прежде в этом слове фонограмма *hnt* писалась знаком (W17), изображающим три сосуда⁵. [52]

Во времена XIX—XXII династий знак (M4), изображающий пальмовую ветвь с оборванными листьями, получает фонетическое значение *n* благодаря чему тексты, в которых он встре-

¹ G. Godron, *Notes d'épigraphie thinite*, — ASAE, t. 54, 1957, pl. 7.

² Ibid., pp. 195–198, 205–206.

³ H. Sottas — E. Drioton, *Introduction à l'étude des hiéroglyphes*, pp. 32–33.

⁴ J. Polotsky, *Zu den Inschriften der 11. Dynastie*, Leipzig, 1929.

⁵ A. Erman, *Ein orthographisches Kriterium*, — ZÄS, Bd. 55, 1918, Ss. 86–88.

чается с этим значением, датируются довольно точно⁶. В текстах XXI–XXII династий знак U33 , имеющий фонетическое значение ti в некоторых случаях встречается и со значением $\check{s}ps$ ⁷. В текстах, близких по времени к греко-римской эпохе, подобные явления наблюдаются все чаще. Вместе с тем неуклонно увеличивается число иероглифических знаков, поэтому чтение таких текстов, внешний облик которых имеет специфический вид, представляет серьезные трудности.

Начиная с текстов XXVI династии наблюдается стремление вернуться к лучшим образцам письма эпохи Древнего царства, подражать далеким искусным предкам — современникам Хуфу и фараонов V—VI династий. В ряде случаев это подражание настолько тонко и художественно, что трудно отличить иероглифический текст Древнего царства от текста саисской эпохи⁸. Причины этого явления надо искать в исторических особенностях рассматриваемого периода. Идеализация далекого прошлого была результатом тех суровых испытаний, которые пришлось пережить Египту в предшествовавшие XXVI династии времена ослабления и унижения страны, подчинения ее чужеземцам. С приходом к власти XXVI династии Египет вступает в полосу, если так можно выразиться, национальной реставрации, и именно поэтому космополитические тенденции Нового царства, а также заимствованные элементы в искусстве, религии и языке тщательно изгоняются. Восстанавливаются не только обряды, связанные с почитанием древних царей, но и некоторые уцелевшие памятники Древнего царства, в которых Египет саисской эпохи обретает для себя источник культурного возрождения. Подражание в искусстве и письме образцам Древнего царства — характерная черта саисской эпохи. Одним из примеров такого подражания может служить стела Априэса из Мит-Рахины⁹. [53]

Чрезвычайно любопытным памятником доптолемеевского времени является известная стела из Навкратиса, относящаяся к периоду царствования Нектанеба II, последнего фараона независимого Египта. Два раздела текста почти целиком начертаны на ней алфавитными знаками (весь остальной текст — обычным письмом). Например, слово htp на стеле из Навкратиса вырезано в виде ⲕ ⲛ ⲛ . Так же непривычно написаны и другие слова: ib вместо ⲓⲃ "сердце" и т. д. Такие написания этих слов не встречаются в текстах предшествующих времен, и поэтому Б. Ганн пытается опровергнуть мнение А. Эрмана о том, что в подобных написаниях сказывается архаизирующая тенденция подражать текстам Древнего царства¹⁰.

Как полагает Б. Ганн, эти алфавитно-согласные написания слов — результат влияния греческой культуры и письма. Такого же взгляда придерживается и Г. Масперо. Указав на роль греков в Египте того времени, Б. Ганн подчеркивает, что Навкратис был чисто греческим городом и что поэтому влияние греческой культуры на египетскую здесь должно было быть особенно сильным¹¹.

Это мнение интересно с точки зрения взаимодействия обеих культур, но все же оно далеко не убедительно: сам Б. Ганн ссылается на необычные алфавитные написания разных слов, которые встречаются в более ранних криптографических текстах, и добавляет, что такие написания усложняли, а не упрощали текст. Однако различие между таким «упрощением» и «усложнением» в действительности вряд ли существует. Мы в состоянии лишь констатировать, что слово написано алфавитными знаками, но не можем квалифицировать такое написание как «упрощение» или «усложнение», хотя нам читать такой текст труднее. Поэтому правильнее отнести все эти алфавитные написания на стеле Навкратиса к одному из приемов криптографии, а не считать их результатом чисто греческого влияния, тем более, что аналогичный метод написания встречается на ряде памятников саисского времени¹².

Переходя к специфическому иероглифическому письму греко-римского времени, отметим прежде всего, что оно дошло до нас главным образом в храмовых текстах Эдфу, [54] Дендера,

⁶ R. Anthes, *Zur Datierung durch* $\{ = n$, — ZÄS, Bd. 77, 1941, S. 55.

⁷ A. Gardiner, *The hieroglyph* ⲕ *with the value* $\check{s}ps$, — JEA, vol. 37, 1951, p. 110.

⁸ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, стр. 102.

⁹ B. Gunn, *Stela of Apries at Mitrahina*, — ASAE, t. 27, 1927, pp. 211–237.

¹⁰ A. Erman, *Die Naukratisstele*, — ZÄS, Bd. 38, 1900, Ss. 127–133.

¹¹ B. Gunn, *Notes on the Naukratis stela*, — JEA, vol. 29, 1943, pp. 55–56.

¹² K. Piehl, *La stèle de Naucratis*, — «Sphinx», vol. 6, 1903, pp. 89–96.

Эсне, Филе, Ком-Омбо и др. На иероглифических стелах того времени его применяют не так часто, и эти стелы с точки зрения эпиграфики бывает трудно отличить от стел доптолемеевского времени. Храмовые тексты греко-римского времени написаны, в основном, по одной системе, но все же в письме каждого из них наблюдаются свои особенности (например, одни и те же знаки имеют различные написания и т. п.).

Для иероглифического храмового письма греко-римского времени характерно:

1) значительное увеличение числа иероглифических знаков всех категорий — идеограмм, детерминативов, фонограмм и алфавитных знаков;

2) увеличение числа значений отдельных знаков (в том числе и алфавитных);

3) подражание древним образцам письма¹³. Эта система письма имеет свою внутреннюю логику. Она не может рассматриваться только как сочетание шарад или ребусов без определенных правил. В иероглифическом храмовом письме греко-римского времени, как и в обычном иероглифическом письме, соединяются идеограммы, детерминативы и фонограммы (включая и алфавитные знаки). Трудность иероглифического храмового письма греко-римского времени заключается не в каких-то особых принципах и правилах, а в наличии огромного числа знаков, значение которых часто неизвестно. Письмо это изучено еще совершенно недостаточно, и до сих пор нет ни одного сводного списка всех знаков с установленными чтениями. Наиболее полным списком является каталог типографских знаков Французского археологического института в Каире, состоящий из нескольких объемистых выпусков, где знаки сгруппированы по внешнему виду. Значения их, естественно, не приведены. Изучением этой трудной ветви египетской эпиграфики занимались лишь немногие ученые. Для понимания таких текстов особенно важны труды Г. Юнкера, Г. Фэрмана и Э. Дриотона.

Остановимся прежде всего на алфавитных знаках. Во времена Среднего царства их было 25, в иероглифике же греко-римского времени их уже несравненно больше. В специальном исследовании Г. Фэрмана об алфавитных знаках приводится список, в котором насчитывается 320 знаков. С внешней стороны — это главным образом старые иероглифические знаки: идеограммы, детерминативы и фонограммы. Добавим, [55] что многие из них полифоничны, например знак № 193 (Sign-List, I 10), изображающий отдыхающую кобру и в обычном письме имеющий фонетическое значение *d*, в иероглифике греко-римского времени может иметь еще значения *s*, *r*, *f*. Знак, изображающий птичье перо (Sign-List, 2), с фонетическим значением *šw* приобретает значения *h*, *r*, *c*¹⁴ и т. д. Вполне понятно, что подобные явления крайне затрудняют чтение текстов. Естественно возникает вопрос: каким образом многие знаки получили несколько звуковых значений и почему вообще появилось такое огромное число знаков, в частности алфавитных?

Полифония многих алфавитных знаков, конечно является не результатом бессознательного развития письма, а напротив, следствием вполне сознательной изощренности и остроумия писцов того времени, проявлением их изобретательности. Тщательный анализ 320 алфавитных знаков, произведенный Г. Фэрманом, показал, что алфавитные значения придавали им египетские писцы. Например, несколько знаков, изображающих фигуры разных божеств, приобрели алфавитное значение *i* потому, что они выполняют функцию местоименного суффикса 1-го лица единственного числа, имеющего звучание *i* в тех случаях, когда говорит то или иное божество. Следует подчеркнуть, что *i* в таком начертании встречается только как местоименный суффикс 1-го лица единственного числа¹⁵.

Нередко старые фонограммы, преимущественно двузвучные, имеют значение только одного из звуков; например, $\text{𓆎} hr$ становится просто *h*, $\text{𓆏} in$ — просто *n* и т. д.¹⁶. Мы не будем здесь останавливаться на других выявленных Фэрманом превращениях фонограмм в алфавитные знаки. На этой почве между Г. Фэрманом и Э. Дриотонам возникла ожесточенная полемика. В то время как Э. Дриотон считает, что новые алфавитные знаки приобрели новое значение в результате сознательного применения египетскими писцами принципа акрофонии, т. е. что

¹³ H. W. Fairman, *An introduction to the study of Ptolemaic signs and their values*, — BIFAO, t. 43, 1945, pp. 55, 57.

¹⁴ H. W. Fairman, *Notes on the alphabetic signs employed in the hieroglyphic inscriptions of the temple of Edfu*, — ASAE, t. 43, 1943, pp. 228–229. 249.

¹⁵ H. W. Fairman, *An introduction to the study of Ptolemaic signs...*, — BIFAO, t. 43, 1945, p. 62.

¹⁶ Ibid., pp. 62–63.

идеограммы и фонограммы стали обозначать первый звук своего фонетического значения¹⁷, Г. Фэрман [56] отрицает этот принцип. Приведенные здесь случаи превращения *hr* в *h* или *in* в *n* он называет результатом применения консонантного принципа, согласно которому при сочетании двух или трех согласных алфавитное значение получает самый устойчивый из них¹⁸.

Наряду с увеличением числа алфавитных знаков увеличилось и число идеограмм и фонограмм, причем многие знаки представляют собой комбинацию или сочетание двух старых знаков; так, например, для слов *tw3 pt* "поднимать небо" была изобретена идеограмма, изображающая фигуру мужчины с идеограммой неба в поднятых руках; для слова *mdw* "выражение", "слово" — сидящий павиан, держащий в лапе знак *mdw*; для слова *sb3* "дверь" — стоящая женщина со звездой (*sb3*) на голове; для слов *rn.f* "имя его" — картуш со вписанным в него знаком ¹⁹. Некоторые идеограммы, не изменяясь внешне, приобретают совершенно новые значения, например знак G26, изображающий ибиса и обозначающий бога Гота, получает фонетическое значение *hmnw*, а отсюда, значение *Hmnw* "(город) Гермополь" и "восемь".

Что же собственно вызвало к жизни в греко-римское время эту храмовую систему иероглифического письма? Г. Фэрман указывает следующие причины:

- 1) желание усилить декоративный характер текстов на стенах храмов²⁰;
- 2) интерес к древним текстам, продолжающийся со времени саисской эпохи;
- 3) стремление произвести впечатление на иностранцев художественным и таинственным видом текстов²¹.

К этим причинам следует, может быть, добавить еще одну:

желание ограничить круг лиц, способных читать священные тексты (грамотность в Египте была распространена довольно широко, о чем свидетельствуют так называемые «обращения к живым» в заупокойных текстах на гробницах и стелах).

Действительно, текст, почти сплошь состоявший из иероглифов, нередко сложного характера (например, пара коней запряженных в колесницу и стоящий на ней человек; двое мужчин, обращенных друг к другу лицом и производящих [57] какую-то работу; кошка, держащая в лапе зеркало и др.), выполненный тонко и художественно, не мог не быть декоративным и не производить впечатления своим внешним видом. Естественно, непосвященным такой текст должен был казаться сочетанием причудливых символов, скрывавших какие-то тайны. Наиболее изученными являются тексты храмов Эдфу и Дендера, которые полностью опубликованы.

Заканчивая обзор иероглифического письма, необходимо вкратце остановиться на криптографии, имеющей много общего с храмовой иероглификой греко-римского времени. Г. Фэрман указывает, что между последней и монументальной криптографией предшествующих исторических эпох трудно провести четкое разграничение, ибо криптографические монументальные тексты, как правило, располагались в тех же частях храмов, что и тексты греко-римского времени²².

Приемы криптографии и храмовой иероглифики греко-римского времени близки между собой: в обеих системах, во-первых, часто употребляются идеограммы и фонограммы нормального иероглифического письма не в их общепринятом значении; во-вторых, иероглифическим знакам придается новая форма, но сохраняется их прежнее значение. Однако в криптографии есть отдельные особенности, например встречаются тексты, написанные обычными иероглифическими знаками, но расстановка этих знаков нарушает все правила исторически сложившейся орфографии и тем самым крайне затрудняет чтение²³.

¹⁷ E. Drioton, *Procédé acrophonique ou principe consonantal?* — ASAE, t. 43, 1943, pp. 319–349.

¹⁸ H. W. Fairman, *An introduction to the study of Ptolemaic signs...*, — BIFAO, t. 43, 1945, pp. 62–63.

¹⁹ Ibid., pp. 98, 121, 123–124.

²⁰ См. H. Junker, *Über das Schriftsystem im Tempel der Hathor in Dendera*, Berlin, 1903, Ss. 12–15.

²¹ H. W. Fairman, *Notes on the alphabetic signs employed...*, — ASAE, t. 43, 1943, p. 295.

²² Ibid., p. 293.

²³ E. Drioton, *La cryptographie par perturbation*, — ASAE, t. 44, 1944, p. 17.

Элементы криптографии («энигматики») обнаружены уже в текстах Среднего и даже Древнего царства²⁴. Криптографические тексты встречаются начиная со времени XVIII династии.

В одном из текстов Древнего царства (Каирский музей № 1696) имеется очень любопытный знак — по наклонной плоскости поднимается бык, на спину которого взбирается человек. Такой необычный знак, естественно, привлек внимание исследователей²⁵. Э. Дриотон читает этот знак, вернее группу знаков, — *d3.k k3 wr* "ты взбираешься на большого [58] быка"²⁶. Здесь перед нами нечто среднее между пиктограммой и сочетанием идеограмм. В подобном факте мы можем видеть реминисценции далекого прошлого или просто игру остроумного профессионала писца, а вернее — и первое и второе, вместе взятые.

В основе развития криптографии и храмовой иероглифики греко-римского времени лежало то, что иероглифическое письмо, произошедшее от пиктографии, изобилует идеограммами и что в результате отсутствия огласовки была широкая возможность создавать из идеограмм фонограммы по принципу ребусов²⁷.

Было бы серьезным заблуждением полагать, что содержание текстов, написанных криптографией, какое-то особенное, нуждающееся в покрове тайны. Такие тексты ничем не отличаются от текстов, написанных нормальным способом. Так, во времена XVIII династии и позже — это преимущественно обычные религиозные тексты (например, отрывок из Текстов Пирамид и гимн Амуну, которые найдены в гробнице вельможи Джехути, жившего во времена царицы Хатшепсут). Следовательно, криптография вовсе не была вызвана к жизни содержанием текстов. Декоративность надписей, а также стремление писцов превзойти друг друга в остроумии и изобретательности, опираясь на основные принципы иероглифики, — вот что привело к подобным явлениям.

Иероглифическая система письма просуществовала три с половиной тысячелетия: древнейшие образцы иероглифического письма относятся приблизительно к XXXII в. до н. э., а последние, известные нам, — ко времени правления императоров Деция (249—251) и Диоклетиана (284—305), самая же поздняя надпись (в Филе) датируется 394 г. н. э.²⁸ (время правления императора Феодосия I).

§ 12. ИЕРАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Иероглифическое письмо было основой египетской письменности. Два других вида письма — иератическое и демотическое — развились из иероглифического письма. Мы упомянули выше, что в Египте уже во времена I династии [59] выделяли писчий материал — папирус. Он был гораздо удобнее, легче и портативнее всякого другого писчего материала и по мере внедрения письма в обыденную жизнь приобретал все большее значение, прежде всего потому, что на нем можно было быстро писать. Эта быстрота писания иероглифов неизбежно должна была отразиться на их форме. Если мы учтем, что на папирусе или заменивших его материалах писали при помощи кисточки, то нам легко представить себе, что все знаки, имевшие углы и острые начертания, в процессе быстрого письма деформировались и округлялись.

С одной стороны, обычные иероглифы картинного типа превращались в курсивные, линейные иероглифы, с другой, — иероглифическое письмо становилось подлинным курсивом, в котором картинные очертания иероглифов схематизировались и упрощались до неузнаваемости.

Этот подлинный курсив был двух видов. Они известны в науке как письмо иератическое и демотическое. Термин «иератическое письмо», как и термин «иероглифическое письмо», заимствован у древних авторов. О трех типах египетского письма — $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha$ $\text{i}\epsilon\rho\omicron\upsilon\lambda\omicron\varphi\iota\kappa\acute{\alpha}$,

²⁴ E. Drioton, *Une figuration cryptographique sur une stèle du Moyen Empire*, — RE, vol. I, 1933, pp. 203–229; E. Drioton, *Un rébus de l'ancien empire*, — «Mélanges Maspero», p. 697.

²⁵ J. Capart, *Un hieroglyphe mystérieux*, — «Kêmi», t. 2, 1929, pp. 1–2; Ch. Kuentz, *Remarques sur les statues de Harwa*, — BIFAO, t. 34, 1934, p. 149.

²⁶ E. Drioton, *Un rébus de l'ancien empire*, — «Mélanges Maspero», pp. 697–704.

²⁷ H. W. Fairman, *An introduction to the study of Ptolemaic signs...*, — BIFAO, t. 53, 1955, p. 131.

²⁸ Gardiner, *Grammar*, § 1.

γράμματα ἐπιστολογραφικά, γράμματα ἱερατικά упоминает только Климент Александрийский²⁹. Он, в частности, говорит: «Получающие воспитание египетское начинают с системы египетских букв, так называемых эпистологографических. Затем переходят к изучению букв иератических, или иерограмматических, кои в ходу у жрецов, пишущих о вещах священных. Оканчивают изучением систем букв иероглифических»³⁰.

Курсив, о котором умалчивают другие авторы, Климент Александрийский называет «иератическим», т. е. «священным»: в его время иератическое письмо употреблялось в рукописях религиозного содержания.

Все другие античные авторы сообщают лишь о двух видах письма: о иероглифах — «священном письме» (γράμματα ἱερά) и о курсиве, который они называют различно. Геродот именует этот курсив «демотика» (γράμματα δημοτικά)³¹; отсюда и произошел термин «демотическое письмо». Как правильно указывает А. Видеман, Геродот, конечно, видел и иератические тексты, но так же как и другие античные авторы, он не мог отличить их от демотических³². [60] Термин γράμματα ἱερατικά встречается и у Гелиодора, но у него он совершенно определенно означает иероглифическое письмо, называемое им также γράμματα βασιλικά («царским письмом»)³³.

В связи с этим интересно сообщение арабского историка позднего средневековья Макризи (1364—1441), который в своей истории коптов говорит, что в древности «они имели свой язык и три различных вида письма — письмо народа, письмо знати, употребляемое жречеством, и письмо царей»³⁴.

Абсолютно ясно, что письмо народа — это демотическое письмо, письмо знати — иератическое письмо, письмо царей — иероглифическое письмо. Любопытно, что арабский историк XV в. лучше информирован об египетском письме, чем многие античные авторы. Это, конечно, объясняется тем, что он пользовался какими-то не дошедшими до нас античными источниками.

По выражению Б. А. Тураева, отношение между иероглифическим, иератическим и демотическим письмом приблизительно такое же, как между нашим печатным шрифтом, рукописным письмом и стенографией³⁵. Иератическое письмо отличается от иероглифического лишь по внешнему виду, оно тоже состоит из идеограмм, детерминативов, фонограмм и алфавитных знаков, сочетающихся друг с другом на основе тех же принципов и правил, которые свойственны иероглифическому письму. Иератика видоизменялась в различные времена. В зависимости от степени ее курсивности различают иератику книжную и иератику курсивную.

Создателем научной иератической палеографии является Г. Мёллер. В своем четырехтомном труде он дает иератические эквиваленты более чем семистам иероглифическим знакам разных времен, приводит наиболее употребительные лигатуры, а также сообщает ряд очень ценных сведений по истории иератики. К сожалению, его классическое исследование не завершено: в нем разработана лишь книжная иератика и курсивная иератика времени Среднего царства и XVIII династии. Автор задумал специальный том, посвященный поздней курсивной иератике, однако это намерение осталось неосуществленным³⁶. [61]

История иератики может быть разделена на следующие этапы:

1. Архаическая иератика (до V династии). Ранних иератических текстов до нас дошло мало. Однако те, которые сохранились, свидетельствуют о том, что до V династии иератика была в стадии самого начального формирования. От времени правления царя I династии, имя которого обозначается иероглифом , дошел счет, написанный чернилами при помощи кисточки. В

²⁹ Clemens Alexandrinus, *Stromata*, V, 4, S. 339. — Порфирий также говорит о трех видах письма, но иератическое он не упоминает, и его высказывание об египетском письме подверглось разным толкованиям.

³⁰ Климент Александрийский, *Строматы*, V, 4, стр. 532.

³¹ Геродот, II, 36.

³² A. Wiedemann, *Herodots II Buch*, S. 165.

³³ Гелиодор, IV, 8.

³⁴ F. Wustefeld, *Makrizi's Geschichte der Kopten*, Göttingen, 1845, S. 140.

³⁵ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, стр. 25.

³⁶ G. Möller, *Hieratische Palciographie*. Ergänzungsheft zu Bd. I und III, Leipzig, 1936, Vorbemerkung.

этом тексте уже явно видно стремление писать с наименьшей затратой времени и энергии: например, цифра 10 обозначена здесь точно так, как и в иератических документах V династии³⁷.

В Бет-Халлафе, в гробницах царей III династии Джосера и Небка, Гарстанг нашел остраконы с чернильными иератическими текстами. Г. Мёллер приводит 35 знаков из этих текстов и отмечает, что при начертании их (даже в тех случаях, когда знак или его часть были выполнены одним росчерком пера) сcribes стремились возможно ближе держаться к иероглифическому оригиналу³⁸.

2. Иератика Древнего царства (с V династии до XI включительно). Ко времени правления V династии иератическое письмо уже вполне сложилось: документ из заупокойного храма царя Нефериркара имеет все черты канцелярского письма с установившимися лигатурами. Знаки выполнены тщательно. В последующие столетия, вплоть до конца XI династии, их очертания мало изменяются, но становятся явно грубее. В письме, как и в искусстве, сказалось огрубение и одичание, характерное для эпохи после правления VI династии. Иератические тексты V династии (время фараона Исеси) и некоторые тексты из Хатнуба конца XI династии, разделенные периодом в 400—450 лет, ближе друг другу палеографически, чем эти хатнубские тексты к храмовому дневнику из Иллахуна (время фараона XII династии Сенусерта III), написанному позже этих текстов всего лишь на 150 лет. Иератический текст начала XII династии, датированный 31-м годом правления Сенусерта I, палеографически мало отличается от иератических текстов периода царствования Сенусерта III и более позднего времени. Таким образом, тип письма изменялся в течение приблизительно 80 лет — на рубеже XI и XII династий³⁹. [62]

3. Иератика Среднего царства (XII — начало XVIII династии включительно). Наметившееся уже в конце Древнего царства расхождение между книжной и курсивной иератикой в эпоху Среднего царства приобретает ярко выраженный характер. Эта эпоха была одной из самых блестящих в истории Египта. Экономическое и культурное благосостояние страны достигло высокого уровня; очень расширилось применение письма — как иероглифического, так и иератического. Документы хозяйственной отчетности и деловая корреспонденция писались курсивной иератикой, которая в значительной степени отличалась от современной ей книжной иератики. Основная масса дошедших до нас курсивных текстов того времени — кахунские папирусы — были изучены и опубликованы Гриффисом. Книжной иератикой написаны такие общеизвестные литературные и научные тексты, как Папирус Присс, Берлинский папирус № 3022 (Синухэ), Папирус Эберс и др. Письмо этих текстов очень четкое. Папирус Эберс представляет собой шедевр каллиграфического искусства.

4. Иератика Нового царства (с середины XVIII до XXI династии включительно). Для иератических текстов XVIII династии и первой половины XIX характерны ясность и изящество, но формы знаков здесь иные, чем в книжной иератике предшествующего периода. Начиная со второй половины XIX династии формы знаков ухудшаются, появляется все больше излишних штрихов и завитков, очертания становятся менее четкими. Вместе с тем в некоторых документах, преимущественно времени правления XX и XXI династий, встречаются палеографические особенности, позволяющие отличать тексты из Верхнего Египта от текстов из Нижнего Египта. Эти различия очень заметны в Большом папирусе Харрис⁴⁰.

Расхождение между книжной и курсивной иератикой достигает в это время такой степени, что у них остается мало общего. Особые лигатуры и сокращения в курсивной иератике делают облик отдельных знаков почти неузнаваемым.

5. Книжная иератика позднего времени (с XXII династии по греко-римское время — III в. н. э. включительно). В течение этого периода книжная иератика претерпевает существенные изменения. Они заключаются в следующем: во-первых, постепенно появляется совершенно определенная тенденция вернуться к лучшим образцам книжной иератики XVIII династии; во-вторых, обнаруживается стремление приблизить иератический знак к его иероглифическому оригиналу; [63] в-третьих, сводятся на нет индивидуальные особенности почерка писцов.

³⁷ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. I, Leipzig, 1927, S. 1.

³⁸ Ibid., S. 2.

³⁹ Ibid., S. 3.

⁴⁰ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. II, Leipzig, 1927, S. 1–2.

Тексты XXV—XXVI династий, которых сохранилось немного, почти не отличаются от текстов XXII династии. Для последующей же стадии развития иератики характерны штрихи и мелкие, близко стоящие знаки.

Введение в обиход тростникового пера не вытеснило до конца традиционную кисточку. Тексты, написанные кисточкой и пером, выглядят различно, так как пером приходилось писать почти без нажима (оно цеплялось за волокна папируса, не представлявшие препятствия для мягкой кисточки)⁴¹.

Со времени XX династии книжная иератика постепенно превращается в письмо, предназначенное исключительно для религиозных документов.

6. Анормальная иератика. Так Ф. Гриффис назвал самый поздний этап развития иератики, когда она достигла наибольшей курсивности⁴². Текстов с анормальной иератикой дошло до нас около 150, из них опубликовано вполне надежно всего около 30. Все эти тексты относятся к эпохе правления XXV и XXVI династий.

Изучение анормальной иератики находится в начальной стадии. Тем не менее уже можно кое-что сказать, о ее происхождении. Анормальная иератика развилась из верхнеегипетской, в частности фиванской, курсивной иератики (XXI и XXII династий) и является кульминационным пунктом ее эволюции⁴³. К концу XXVI династии анормальная иератика была вытеснена демотическим письмом.

По мнению французского египтолога М. Малинина, «развитие "анормальной иератики" представляется нам вполне естественным; начиная со времени Псамтика I, рисунок письма постепенно улучшается и становится более четким и ясным...»⁴⁴. Однако это почти не уменьшает трудностей расшифровки, связанных с исключительно высокой степенью курсивности текстов анормальной иератики. Изучению анормальной иератики посвящен ряд трудов Г. Мёллера, Ф. Гриффиса, Я. Черного и М. Малинина.

В Государственном Эрмитаже хранится один текст анормальной иератики — документ хозяйственной отчетности, так называемый Папирус Прахова, вывезенный из Египта в конце [64] прошлого века известным русским искусствоведом А. Праховым. Фотография этого папируса (без перевода) и его описание были опубликованы Б. А. Тураевым⁴⁵.

Как показывает этот весьма беглый обзор, иератика с момента своего возникновения все больше и больше расходилась с иероглифическим письмом. Поэтому вполне естественно, что в процессе ее развития появились особенности, отличающие иератическое письмо от иероглифического не только по внешнему виду знаков, но и по способу их употребления. Это прежде всего относится к иератике Нового царства. Например, если в иероглифическом письме довольно часто встречаются двузвучные фонограммы без фонетического дополнения, то в иератических текстах двузвучные фонограммы всегда сопровождаются фонетическим дополнением⁴⁶. В иератических текстах орфография многих слов гораздо более стабильна, чем в иероглифических, но вместе с тем нередко и в иератике одно и то же слово пишется различными знаками.

Иероглифическая транскрипция иератического текста должна сохранять особенности иератического написания, в первую очередь орфографию, чтобы такую транскрипцию можно было сразу же отличить от копии иероглифического текста⁴⁷. Для правильной передачи иератического текста иероглифическими знаками большое значение имеет ряд конкретных деталей, на которых здесь нет возможности останавливаться.

В противоположность иероглифике все без исключения иератические тексты написаны справа налево. В связи с этим следует вспомнить слова Геродота: «Эллины пишут и считают камешки от левой руки к правой, а египтяне от правой к левой, хотя и утверждают, что они пи-

⁴¹ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. III, Leipzig, 1936, Ss. 1–2.

⁴² P. Ll. Griffith, *Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands library*, vol. III, Manchester, 1909, p. 12.

⁴³ M. Malinine, *Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique*, pt. I, Paris, 1953, pp. IV, IX, XIV, XXII.

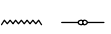
⁴⁴ Ibid., p. XX.

⁴⁵ Б. А. Тураев, *Papyrus Prachov* собрания Б. А. Тураева, Л., 1927.

⁴⁶ A. H. Gardiner, *The transcription of New Kingdom Hieratic*, — JEA, vol. 15, 1929, p. 49.

⁴⁷ Ibid., p. 61.

шут к правой руке, а эллины к левой»⁴⁸. В путаном и неясном сообщении греческого историка есть, однако, доля истины: действительно, как это показал еще Г. Бругш, отдельные знаки в иератике писались слева направо, при общем направлении строки справа налево; таковы, например, знаки ⁴⁹.

В иератических текстах встречается вертикальное и горизонтальное направление строк: в иератике Древнего царства строки располагались только вертикально, в текстах Среднего царства — и вертикально и горизонтально, во времена [65] же гиксосов вертикальная строка исчезает. Изменение направления строки имело некоторое влияние на форму знаков: широкие, рассчитанные на заполнение всего пространства вертикальной строки, знаки становились более сжатыми⁵⁰.

Начиная со второй половины XVIII династии письма и деловые документы продолжали писать на стороне *recto*, но строки в это время уже шли перпендикулярно к направлению волокна папируса. Это объясняется тем, что документы писали не вдоль папируса, а поперек его (рис. 2).

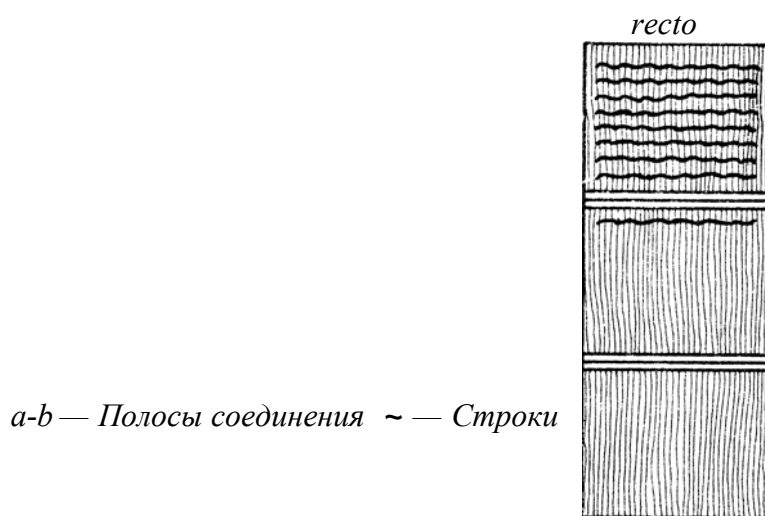

Рис. 2

Именно так написан отчет Ун-Амуна. Я. Черный усматривает здесь подтверждение тому, что этот текст не литературное произведение, а деловой документ («подлинный отчет»)⁵¹.

Иератические тексты пагинации не имеют⁵², за исключением двух папирусов, которые относятся ко времени, предшествующему эпохе Нового царства: Папируса Батлера (Butler) и Медицинского папируса Эберса. Папирус Батлера содержит отрывок повести о красноречивом селянине; строки на нем расположены вертикально, 20, 30 и 40-я пронумерованы. На Папирусе Эберса пронумерованы колонки текста; цифры, обозначающие их, стоят наверху в середине⁵³.

В иератических текстах, в основном написанных черными чернилами, встречаются выражения и отдельные слова, выделенные красными чернилами. Это особенно характерно для текстов Нового царства. Красные чернила писцы применяли для того, чтобы привлечь внимание читателей к определенным местам. Ими писали слова, начинающие новый важный абзац, колофоны, знак , заканчивающий самостоятельные [66] по содержанию разделы текста (он встречается только в текстах Нового царства)⁵⁴. Красными чернилами писали также имена бога

⁴⁸ Геродот, II, 36.

⁴⁹ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. I, S 7.

⁵⁰ Ibid., S. 7–8

⁵¹ J. Černý, *Paper and books in Ancient Egypt*, pp. 21–22.

⁵² G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. II, S. 6; Bd. III, S. 5.

⁵³ Ibid., Bd. I, S. 8.

⁵⁴ H. Grapow, *Sprachliche und schriftliche Formung ägyptischer Texte*, Glückstadt, 1936, Ss. 51–53; G. Posener, *Sur l'emploi de l'encre rouge dans les manuscrits égyptiens*, — JEA, vol. 37, 1951, pp. 75–80.

Сета и змея Апопа (в поздних текстах), слово *hftj* "враг", выражение *kj dd* (букв. "другое говорение"), начинающее новый абзац, выделяли названия некоторых знаков в документах хозяйственной отчетности⁵⁵, исправляя ошибки писцов и иногда ставили точки (только в текстах Нового царства, в основном литературного содержания), причем точки проставляли в ранее написанном тексте, чтобы облегчить его чтение и понимание⁵⁶. Здесь необходимо отметить, что египетская пунктуация весьма отлична от нашей: нередко точки расставлены там, где нам они представляются лишними, и наоборот.

Несомненно, иератическое письмо как фактор культурного развития играло в жизни Египта огромную роль. Надо иметь в виду, что дошедшие до нас иератические тексты — это лишь ничтожная доля всего написанного иератическим письмом на протяжении более чем трех тысячелетий. Однако даже сохранившиеся тексты свидетельствуют о том, что именно иератическим письмом зафиксированы основные достижения египетской мысли. Следует также помнить, что некоторые египетские иероглифические тексты, например анналы Тутмоса, являются чем-то вроде транскрипции иератических текстов⁵⁷. Сами египтяне продолжали интересоваться иератическим письмом и тогда, когда его употребление ограничилось исключительно религиозными текстами. Это подтверждается найденными в Танисе фрагментами папируса римского времени, который представляет собой список иероглифических знаков с их иератическими эквивалентами⁵⁸. К сожалению, этот очень интересный документ — единственный в своем [67] роде, но подобные списки, безусловно, создавались для писцов и в предшествующие эпохи.

§ 13. ДЕМОТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Термин «демотическое письмо» заимствован у античных авторов, которые хорошо знали по внешнему виду этот тип египетского курсива, широко распространенного в их время. Геродот и Гелиодор называют его «народным» (δημοτικά), Диодор — «народным письмом» (δημώδη γράμματα) или «письмом более общего изучения» (γράμματα τὰ κοινότερα ἔχοντα τὴν μάθησιν), Климент Александрийский и вслед за ним Порфирий — «письмом писем» (γράμματα ἐπιστολογραφικά)⁵⁹, Розеттский декрет (строка 197 греческого текста) — «туземным» (ἐγχώρια), Канопский декрет (строка 286 греческого текста) — «(письменами) египетскими» — (γράμματα) αἰγύπτιοις. Египетское *ss n sʿj* "письмо писем" в иероглифическом тексте Розеттского декрета (строка 14) соответствует греческому ἐγχώρια, а в Канопском декрете — греческому (γράμματα) αἰγύπτιοις⁶⁰. Все эти названия отражали роль и значение данного вида письма.

Термин «демотический» в египтологии применяется для определения и демотического письма и демотического языка. Хотя эти два понятия очень близки друг к другу, надо подчеркнуть, что они не совпадают; не все демотические тексты написаны на демотическом языке.

Демотическое письмо отличается как от курсивной, так и от аномальной иератики. Уже в ранних демотических текстах нет многих знаков, типичных для иератики. Демотика выработала свои письменные знаки. Она богаче курсивной иератики разнообразными лигатурами, которые значительно отличаются от лигатур иератических. Вместе с тем в демотике гораздо чаще, чем в иератике, употребляются алфавитные знаки, и число слов, написанных ими, несравненно больше, чем в иератических текстах⁶¹.

⁵⁵ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. III, S. 4; G. Posener, *Sur l'emploi de l'encre rouge dans les manuscrits égyptiens*, — JEA, vol. 37, 1951, pp. 75–80; A. H. Gardiner, *Ramesside texts relating to the taxation and transport of corn*, — JEA, vol. 27, 1941, pp. 26–27; B. Gunn, *The use of red for amounts of cereals in hieratic*, — JEA, vol. 27, 1941, p. 157.

⁵⁶ H. Grapow, *Sprachliche und schriftliche Formung ägyptischer Texte*, Ss. 52–53; A. Erman, *Die ägyptischen Schülerhandschriften*, — APAW, Phil.-hist. Kl., 1925, № 2; A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 56–58.

⁵⁷ H. Grapow, *Studien zu den Annalen Thutmosis des Dritten und zu ihnen verwandten historischen Berichten des Neuen Reichs*, Berlin, 1949, S. 60 ff.

⁵⁸ F. Ll. Griffith, *The Sing papyrus*, — в кн.: F. Ll. Griffith — Fl. Petrie, *Two hieroglyphic papyri from Tanis*, London, 1898.

⁵⁹ Геродот, II, 36; Гелиодор, IV, 8, прим. 159; Диодор, III, 3; I, 81; Климент Александрийский, *Строматы*, V, 4, стр. 532; Порфирий, *О жизни Пифагора*, прим. 51.

⁶⁰ Urk., II, 164, 197.

⁶¹ W. Erichsen, *Auswahl frühdeiotischer Texte*, Hft. I, Kopenhagen, 1950, S. XI.

Как было указано в предыдущем параграфе, иероглифическая транскрипция курсивных иератических текстов может почти точно соответствовать иератическому оригиналу. [68] Иероглифическая же транскрипция демотических текстов ввиду упомянутых особенностей демотического письма гораздо более произвольна, и поэтому демотические тексты, как правило, не транскрибируются иероглифами: они обычно сопровождаются фонетической транскрипцией. Существует два основных метода транскрипции. Одна — так называемая историческая — передает фонетический согласный состав написанных знаков; этой транскрипцией пользуются, чтобы передать звуки иероглифического или иератического текста. Вторая построена на базе коптской фонетики, т. е. с учетом гласных звуков (в демотическом письме впервые весьма непоследовательно начинают использовать для передачи гласных некоторые знаки, обычно обозначающие согласные звуки)⁶². Эту систему транскрипции применяли в своих работах ф. Гриффис и Х. Томпсон.

Число знаков демотического письма не велико — в списке В. Эрихсена приведено около 260 знаков, 38 из них имеют алфавитные значения⁶³. Многие знаки являются курсивным сокращением сочетаний иероглифов, употреблявшихся в групповом письме. Трудность чтения демотического письма состоит прежде всего в том, что у каждого знака, как правило, есть несколько значений, т. е. они полифоничны: например, вертикальная черта | имеет фонетические значения *l*, *w*, *h*, *dj*, а также пишется во многих словах просто как штрих; знак может читаться *ʿwj*, *ʿn*, *bn*, *kd*, *tn*, *k*, он же используется как детерминатив в слове *grh* "ночь", как фонограмма в слове *ʿhʿ* "стоять" и т. д.⁶⁴. Другая трудность заключается в том, что один и тот же знак имеет несколько вариантов начертаний, которые иногда довольно резко отличаются друг от друга.

Демотика — одна из наименее разработанных областей египетской филологии. Демотическое письмо и язык занимают промежуточную ступень между новоегипетским языком и коптским. Поэтому прав был В. Шпигельберг, когда писал, что «без овладения египетским, новоегипетским и коптским языками, а также иератическим письмом, изучение демотического является напрасной и бесполезной работой»⁶⁵.

В течение многих лет демотические тексты из-за трудности их чтения почти не исследовались. После Г. Бругша и Э. [69] Ревилью — пионеров в этой области, труды которых теперь уже устарели, — огромный вклад в науку внесли К. Зете, Ф. Гриффис и В. Шпигельберг; на их работах зиждутся все последующие достижения науки в этой области. Лишь в самое последнее время появились труды справочного характера — списки знаков и демотический словарь, — столь необходимые исследователям. В настоящее время благодаря работам Н. Томпсона, В. Эджертона, В. Эрихсена, Н. Рейха, М. Малинина и других в изучении демотических текстов достигнуты значительные успехи. Однако и до сих пор не существует ни демотической палеографии, ни подробного словаря, включающего весь известный лексический материал.

История демотического письма охватывает примерно двенадцать веков — с VII в. до н. э. до V в. н. э. На протяжении этого времени демотическое письмо развивалось и видоизменялось. Его история делится на следующие этапы:

1. Демотика ранняя (с VII в. до н. э.) — время XXVI—XXX династий.
2. Демотика птолемеевского времени.
3. Демотика римско-византийского времени (последний демотический текст датирован 452 г. н. э.)⁶⁶.

Вопрос о возникновении демотики нельзя считать окончательно решенным. Несомненно лишь то, что демотика развилась из иератики; это признают все исследователи. А. Эрман в 1890 г. писал: «Мы видим, где иератический курсив превращается в демотику»⁶⁷. Много позже Г.

⁶² W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, Heidelberg, 1925, § 3.

⁶³ W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. 3, Kopenhagen, 1950.

⁶⁴ W. Erichsen, *Demotische Lesestücke*, Bd. I, *Literarische Texte mit Glossar und Schrifttafel*, Hft. 3 (Schrifttafel), Leipzig, 1937, Ss. 2, 23–24.

⁶⁵ W. Spiegelberg, *Der gegenwärtige Stand und die nächsten Aufgaben der demotischen Forschung*, — ZÄS, Bd. 59, 1924, Ss. 131–139.

⁶⁶ W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. I, S. II–III; W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, § 1; M. Malinine, *Choix de textes juridiques...*, pt. I, p. III.

⁶⁷ A. Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, Bd. II, Berlin, 1890, S, 48.

Мёллер в своем капитальном труде о иератической палеографии указывал: «Курсивная иератика XXI династии с одинаковым правом может быть названа и ранней демотикой и курсивной новой иератикой»⁶⁸. Однако в дальнейшем после тщательного изучения нового материала эти формулировки оказались несостоятельными.

Мы не располагаем текстами, на основании которых можно было бы судить о возникновении и первых шагах демотического письма, поэтому естественно, что в решении этого вопроса имеется ряд гипотетических и недоказанных моментов. Древнейшие известные демотические документы датированы временем правления фараона XXVI династии Псамтика I, и в них демотика обладает уже своими характерными [70] особенностями. В 1953 г. большой знаток аномальной иератики и демотики М. Малинин изложил свою точку зрения на происхождение демотики⁶⁹. Его теория сводится к следующему.

В книжной иератике XX—XXI династий, как уже упоминалось выше, появляются палеографические признаки, позволяющие отличать тексты из Нижнего Египта от текстов из Верхнего Египта⁷⁰. Однако никаких папирусов более позднего времени, чем эпоха Нового царства, из Нижнего Египта до нас не дошло. Все курсивные иератические тексты XXI—XXII династий, так же как и тексты аномальной иератики XXV—XXVI династий, происходят из Верхнего Египта. Палеографически аномальная иератика является непосредственным продолжением курсивной иератики. Следовательно, развитие курсивной иератики в Верхнем Египте прослеживается вплоть до XXVI династии. Относительно демотики Ф. Гриффис еще в 1909 г. писал: «Настоящая демотика должна была возникнуть и усовершенствоваться в Среднем или Нижнем Египте»⁷¹. Это положение Ф. Гриффиса полностью разделяет и В. Эрихсен⁷². М. Малинин считает, что различия между верхнеегипетской и нижнеегипетской иератикой времени правления XIX и XX династий в дальнейшем должны были усилиться в связи с политической децентрализацией страны. В результате углубления этих различий появилась демотика как поздняя стадия развития нижнеегипетской курсивной иератики.

«Как мне кажется, — писал М. Малинин, — развитие демотики могло быть лишь длительным явлением, сходным с развитием южной курсивной иератики. Поэтому неправильно рассматривать демотику самых ранних известных нам текстов как начальную стадию ее развития. Такая оценка подразумевала бы, что исходным пунктом развития демотики была радикальная реформа египетской системы письма, осуществленная школой египетских писцов в начале саисской эпохи»⁷³.

М. Малинин не соглашается с утверждением В. Шпигельберга, что «демотика в VIII—IV вв. до н. э. (переходный период) развилась из курсивной иератики путем систематических сокращений и приобрела свой стереотипный [71] вид на исходе IV столетия до н. э.»⁷⁴. М. Малинин возражает против слов «систематические сокращения», содержащихся в формулировке В. Шпигельберга, так как именно эти слова подразумевают сознательную реформу египетского письма сcribes, реформу, которую М. Малинин считает невероятной.

Далее М. Малинин дает определение ранней демотики: «Ранняя, или архаическая, демотика есть система египетского курсивного письма XXVI—XXX династий, применявшегося для официальных документов. Эта система письма должна была возникнуть естественным путем, без перерыва и преобразований, из самостоятельной ветви египетской курсивной иератики, ветви, развившейся постепенно в одном из центров Нижнего Египта»⁷⁵.

Таким образом, превращение верхнеегипетской курсивной иератики в аномальную иератику и превращение неизвестного нам нижнеегипетского иератического курсива в раннюю демотику — это два параллельных процесса. Вместе с тем «близость этих обеих систем письма сводится к следующему: отойдя от своих систем книжной иератики (от своих унциалов), от ко-

⁶⁸ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. II, S. 1.

⁶⁹ M. Malinine, *Choix de textes juridiques...*, pt. I, pp. VII—XXI.

⁷⁰ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. II, Ss. 2, 11—12.

⁷¹ F. Ll. Griffith, *Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands library*, vol. III, p. 11.

⁷² W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. I, Ss. IV—V.

⁷³ M. Malinine, *Choix de textes juridiques...*, pt. I, p. XV.

⁷⁴ W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, § 1.

⁷⁵ M. Malinine, *Choix de textes juridiques...*, pt. I, p. XVI.

торых они зависели вначале, обе системы курсива проявляют одинаковую двойную тенденцию развития: с одной стороны, они стремятся к каллиграфии, с другой — к все усиливающейся курсивности»⁷⁶.

Аномальная иератика представлена верхнеегипетскими, главным образом фиванскими, текстами, начиная с царствования Шабаки (XXV династия) и кончая царствованием Ахмеса II (XXVI династия); ранняя демотика — текстами XXVI—XXX династий, которые также происходят в основном из Верхнего Египта и, в частности, из Фив. М. Малинин обращает внимание на то, что на протяжении царствования XXVI династии обе системы письма сосуществовали в Фивах, а затем демотика вытеснила аномальную иератику.

Указав, что ранняя демотика как система письма не имела никаких палеографических преимуществ перед аномальной иератикой и что последняя вовсе не изжила себя, М. Малинин видит причину победы ранней демотики над аномальной иератикой в исторических условиях развития Египта. Как известно, начиная с XXVI династии политический и культурный центр страны перемещается из Верхнего Египта в Нижний. Поэтому вполне понятно, что именно нижнеегипетская [72] система курсивного письма, т. е. демотика, одержала победу над верхнеегипетским курсивным письмом, т. е. аномальной иератикой. То, что самые ранние демотические тексты обнаружены в Верхнем, а не в Нижнем Египте, несколько не опровергает факта происхождения демотики из Нижнего Египта: это лишь свидетельствует о том, что во времена XXVI династии влияние Нижнего Египта в Фивах было уже достаточно сильным⁷⁷.

Связь ранней демотики с иератикой отлично иллюстрируют два самых ранних известных науке демотических документа, происходящих из Эль-Хибе и датированных 21-м годом правления Псамтика I. Оба они изданы сначала Ф. Гриффисом, потом В. Эрихсеном⁷⁸. Последний абсолютно правильно характеризует их как тексты, написанные смешанным иератическо-демотическим письмом; он говорит: «В обоих документах из Эль-Хибе от 21-го года царствования Псамтика I на демотическом письме лежит яркий отпечаток иератики и наблюдается написание одних и тех же слов разными способами, что резко противоречит настоящей демотике»⁷⁹. Это совершенно бесспорно. Следует добавить, что элементы иератики в данных документах гораздо ближе к иератике книжной, чем к курсивной, например, написание слова *ḥt-ntr* "храм" в документе № 1 (стр. 1, строка 7 по изданию В. Эрихсена) и др. Эти факты свидетельствуют о том, что ранняя демотика, развившаяся из нижнеегипетского иератического курсива, вместе с тем в какой-то мере испытывала на себе влияние книжной иератики.

Нельзя обойти молчанием весьма интересную попытку древних египтян перейти от сложного демотического письма к подлинно звуковому алфавиту. Мы видим ее в Большом демотическом магическом папирусе III в. н. э.⁸⁰. Ко многим словам этого текста написаны глоссы, всего 695. Из них 93 написаны алфавитом, состоящим из 36 знаков, преобладающее количество которых заимствовано из демотического письма, и лишь очень немногие из греческого. Такие знаки передают и согласные и гласные звуки. Остальные глоссы написаны греческим алфавитом, дополненным несколькими знаками из демотического письма, передающими отсутствующие [73] в греческом языке звуки⁸¹. Это уже предвестник коптского алфавита.

§ 14. ТРУДНОСТИ В ПОНИМАНИИ ЕГИПЕТСКИХ ТЕКСТОВ

Каждому, имеющему дело с египетскими текстами, хорошо известно, какие серьезные препятствия часто встречаются при их переводе. Вряд ли существует хоть один более или менее значительный по объему египетский текст без испорченных или непонятных мест. Поэтому

⁷⁶ Ibid., pp. XVI–XVII.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ F. Ll. Griffith, *Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands library*, vol. I, Manchester, 1909, pt. I; W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. I, Ss. 1–6.

⁷⁹ W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. I, S. V.

⁸⁰ F. Ll. Griffith — H. Thompson, *The demotical magical papyrus of London and Leiden*, vol. I–III, London, 1904–1909; vol. IV, Oxford, 1921.

⁸¹ F. Ll. Griffith, *The glosses in the magical papyrus of London and Leiden*, — ZÄS, Bd. 46, 1909, Ss. 117–118; H. Grapow, *Vom Hieroglyphisch-Demotischen zum Koptischen*, — SPAW, Phil.-hist. Kl., 1938, № 28, Ss. 322–349.

филологический комментарий к научному изданию или переводу египетских текстов является насущной необходимостью.

Трудности в понимании египетских текстов связаны с недостаточностью наших познаний в египетской грамматике и словаре, а также с имеющимися в текстах графическими ошибками.

Датский египтолог А. Вольтен, конечно, правильно говорит, что искажения встречались уже в текстах Древнего царства⁸². Однако он ссылается на «Поучение Птахотепа» (608—609), в котором якобы содержится наставление, предостерегающее от искажения текста, и принимает перевод этого места, сделанный А. Эрманом: «Не опускай никакого слова, и не прибавляй, и не ставь никакого (слова) на место другого»⁸³. Позднее З. Жаба доказал, что такой перевод неверен и что приведенные слова к текстам и папирусам никакого отношения не имеют⁸⁴.

А. Вольтен сделал интересную попытку проанализировать искажения текстов и классифицировать их по группам. По его мнению, все ошибки и искажения связаны с тем, что либо диктующий неправильно читал вслух текст, либо писец неправильно записывал, потому что не понимал или ошибочно воспринимал услышанное, или, наконец, потому что старался «исправить текст сознательно, в действительности же не исправлял, а искажал его по незнанию или непониманию»⁸⁵.

Как отметил Б. Ван де Валле, в этой классификации пропущены искажения, связанные со зрительным восприятием писца: [74] переписывая текст, писец повторял ошибки и искажения оригинала, а также ошибался и сам. Б. Ван де Валле⁸⁶ приводит слова Д. Гро и С. Рейнака о происхождении подобных ошибок: «копирующий текст не смотрит на него непрерывно: прочтя какую-то часть фразы, он как бы диктует ее самому себе. Если он не знает орфографии, он допускает орфографические ошибки даже при списывании, если он невнимателен, он пропускает слова или пишет одни слова вместо других»⁸⁷.

О визуальных ошибках при копировании писал и Г. Масперо: «Было бы неправильно полагать, что профессионалы были приучены переписывать классические произведения слово в слово, не сводя глаз с текста. Как писцы наших дней и, по правде говоря, как писцы всех времен, они читали части фраз или целые фразы, которые затем диктовали себе уже на память, не заглядывая снова в текст. Этот способ работы неизбежно приводит к пропуску слов или замене одних слов другими, близкими по смыслу или произношению»⁸⁸.

На один из источников ошибок в текстах указывает Ж. Познер: «Человек выучивал текст папируса либо по рукописи, либо слушая его и повторяя, либо комбинируя слуховое и зрительное восприятие. Позже, через дни, месяцы и годы, по необходимости или ради удовольствия, он диктовал его или сам записывал (на папирусе, остраконе и т. п.). В таком тексте оказывались пропуски или перестановки строк, что было не ошибкой копирования и не ошибкой диктовки, а лишь недостатком памяти»⁸⁹.

Искажения в текстах вызывались в значительной мере сложностью и громоздкостью египетской системы письма. Специфические ошибки нередко делались при переписывании древних текстов, во-первых, потому, что их язык и письмо были мало понятны писцу, а, во-вторых, потому, что оригинал бывал разрушен или сильно поврежден. Добросовестный писец в таких случаях оставлял в своей копии пустое место, намереваясь, быть может, заполнить его позже, использовав другой экземпляр, или вписывал в эти лакуны стандартное выражение: *gm wšr* (букв. "найден нехватящим"). Так, например, поступил писец экземпляра Книги мертвых, [75] принадлежавшего Гатсетену, — он заполнил этим выражением все места, где отсутствова-

⁸² A Volten, *Studien zum Weisheitsbuch des Anii*, København, 1937, p. 8.

⁸³ A Erman, *Die Literatur der Ägypter*, Leipzig, 1923, S. 98.

⁸⁴ Z. Žaba, *Les maximes de Ptahhotep*, Prague, 1956, pp. 169–170.

⁸⁵ A Volten, *Studien zum Weisheitsbuch des Anii*, pp. 13–14.

⁸⁶ B. Van de Walle, *La transmission des textes littéraires égyptiens avec une annexe de G. Posener*, Bruxelles, 1948, pp. 26–27.

⁸⁷ Цит. по кн.: B. Van de Walle, *La transmission des textes littéraires égyptiens...*, p. 62.

⁸⁸ G. Maspero, *Hymne au Nil*, Le Caire, 1912, p. XVII.

⁸⁹ Цит. по кн.: B. Van de Walle, *La transmission des textes littéraires égyptiens...*, p. 63.

ли иллюстрации и виньетки. Иногда вписывалось другое выражение: *šw m irj.f* (букв. "пустое от того, что принадлежит ему")⁹⁰.

Текст Книги мертвых подвергался, пожалуй, наибольшим искажениям. Это объясняется тем, что, с одной стороны, она содержит немало древних текстов, смысл которых во время ее наибольшего распространения вряд ли был понятен писцам-профессионалам, а, с другой стороны, писцы, ее изготовлявшие, отлично знали, что эту книгу никто читать не будет и поэтому относились к своей работе небрежно.

§ 15. ВЛИЯНИЕ ЕГИПЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПИСЬМА НА СИСТЕМЫ ПИСЬМА ДРУГИХ НАРОДОВ И НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛФАВИТА

Одно время в науке были очень модны представления, что Двуречье являлось истоком культуры на Древнем Востоке и что шумеро-вавилонская культура обладала особой действенностью, перед которой блекло значение и влияние других древневосточных культур⁹¹. Как правильно указал К. Зете, «так называемый панвавилонизм временно совершенно заслони от нас все то, чем обязана наша культура другому древневосточному народу, история которого прослеживается в еще более глубокой древности, — египетскому»⁹². Действенность вавилонской культуры и широкое распространение ее влияния обуславливаются не превосходством ее над культурой Египта, не большим богатством содержания, а объективными условиями ее исторического развития.

Двуречье в силу своего географического положения не было изолировано от соседних стран и уже с древнейших времен подвергалось нашествиям разных народов и племен. Их постоянные сношения и столкновения не могли не способствовать распространению вавилонской культуры и ее важнейшего элемента — клинописи — по всей Передней Азии.

Египет же был отделен от внешнего мира значительно больше, чем Двуречье: Ливийская и Аравийская пустыни на западе и востоке и Средиземное море на севере являлись естественными преградами, весьма затруднявшими проникновение [76] в долину Нила. Это было подчеркнуто еще Диодором Сицилийским, который подробно описал положение страны и пришел к следующему выводу: «Страна Египет, таким образом, хорошо укреплена со всех сторон самой природой...»⁹³.

Своему географическому положению Египет обязан тем, что вплоть до XVIII в. до н. э. он не подвергался серьезным нападениям и жил относительно замкнуто, изолированной жизнью. По этой же причине сфера его культурного влияния значительно меньше, чем сфера влияния Двуречья. Однако здесь следует подчеркнуть, что речь идет не об абсолютной, а лишь о сравнительной замкнутости и изолированности Египта. Вопрос о культурном влиянии Египта в Африке — очень важный и интересный, но, к сожалению, далеко еще не разработанный. Во всяком случае в Напата и Мероэ воздействие Египта проявилось чрезвычайно сильно.

Другой исконной областью египетского влияния были страны, расположенные по восточному побережью Средиземного моря, — Палестина и Финикия. Здесь египетская культура временами сталкивалась с вавилонской и далеко не всегда оказывалась побежденной. Наконец, далекий Крит, с древних времен находившийся в сношениях с Египтом, испытывал культурное воздействие последнего. Во всех этих странах можно проследить влияние египетского письма на развитие культурной жизни народов, их населявших.

В VIII в. до н. э. далеко к югу от Египта, близ 4-го нильского порога, сложилось Эфиопское государство со столицей Напата. По выражению Б. А. Тураева, оно «было сначала сколком с Египта Нового царства»⁹⁴. Египетская религия с культом Амона, египетское искусство, египетские методы управления — все это по форме, но далеко не всегда по сути, было воспринято

⁹⁰ J. Černy, *Paper and books in Ancient Egypt*, p. 28; L. Borchardt, *Bemerkungen zu den ägyptischen Handschriften des Berliner Museums*, — ZÄS, Bd. 27, 1889, Ss. 118–122.

⁹¹ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 35.

⁹² K. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 89.

⁹³ Диодор, I, 30–31.

⁹⁴ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, Л., 1935, стр. 175.

Эфиопским государством. Египетский язык и египетское иероглифическое письмо официально стали языком и письмом страны. Надписи эфиопских фараонов отличаются хорошим литературным стилем. Впоследствии (примерно между VI и IV вв. до н. э.), когда резиденция царей была перенесена в Мероэ, к югу от 5-го порога, и когда политические и культурные связи Эфиопии с Египтом ослабели, египетский язык и письмо были вытеснены местным языком и мероитским письмом (рис. 3).

Мероитский алфавит состоит из двадцати трех иероглифических знаков, обозначающих согласные и гласные звуки⁹⁵. [77]

	ʒ	a (или алеф)		l	l
	ʃ	e		h (kh)	h (kh)
	ʃ̄	ē		h (kh)	h (kh)
	4	i		s	s
	///	y		š (sh)	š (sh)
	ʃ	w		k	k
	ʒ	b		q	q
	ʃ	p		t	t
	ʃ	m		te	te
	ʒ	n		tē	tē
	ʒ	ñ		z	z
	ω	r			

Рис. 3

Двадцать из этих знаков заимствованы из иероглифической системы Египта без всяких изменений, однако фонетическое значение их в ряде случаев иное. Египетские двузвучные фонограммы *bʒ*, *wʒ*, *šʒ* приобретают в мероитском письме соответственно значение *b*, *w*, *š*. Египетский алфавитный знак *š* в мероитском алфавите имеет значение *r*. Египетский иероглифический знак (Sign-List, A26), служащий детерминативом в некоторых словах, в мероитском алфавите обозначает гласный звук *i*; египетский иероглиф (Sign-List, D10), изображающий человеческий глаз и служащий [78] идеограммой или детерминативом слова *wʒt* в мероитском алфавите обозначает звук *z*; египетский иероглифический знак (Sign-List, F1), представляющий голову быка и являющийся идеограммой слова *kʒ* "бык", в мероитском алфавите выражает гласный звук *e*; египетский иероглиф (Sign-List, H6), изображающий страусовое перо и имеющий фонетическое значение *šw*, в мероитском алфавите выражает гласный звук *ē* и т. д.

Наряду с мероитским иероглифическим алфавитом появляется и мероитское курсивное алфавитное письмо: каждому иероглифическому алфавитному знаку соответствует курсивный знак. Эти знаки по своему типу весьма похожи на демотические и их связь с последними очевидна.

Таким образом, египетское письмо было родоначальником древнейшего алфавита в Африке.

В научной литературе уделялось много внимания вопросу о сношениях Крита с Египтом. Египетское влияние на Крит уже в очень отдаленные времена (в I и II раннеминойские периоды, т. е. в первой половине III тысячелетия до н. э.) дает себя знать настолько сильно, что А. Уэс допускает возможность существования в это время египетской колонии на Крите⁹⁶.

В эпоху Древнего царства в Египте имела развитая система письма, представленная иероглифическими и иератическими текстами, на Крите же в этот период письма еще не было; оно начинает появляться здесь в конце III раннеминойского периода, соответствующего концу Древнего царства в Египте. Поэтому понятно, что сложившаяся система египетского иероглифического письма оказала влияние на более молодое, формировавшееся критское письмо. Раз-

⁹⁵ F. Ll. Griffith, *Meroitic inscriptions*, London, 1911, p. 49.

⁹⁶ A. J. B. Wace, *Early Aegean civilisation*, — «Cambridge ancient history», vol. I, London, 1928, p. 591.

витое иероглифическое критское письмо встречается на печатях I среднеминойского периода, т. е. конца III и начала II тысячелетия до н. э. Впоследствии оно превращается в так называемое линейное письмо А, из которого в свою очередь развивается линейное письмо В.

Внешнее сходство египетского и критского письма было отмечено еще в древности. Плутарх рассказывает, что спартанец Агесилай нашел в гробнице Алкмены бронзовую табличку с «большим количеством букв, возбудивших великое удивление, так как они производили впечатление глубокой древности. Ибо ничего нельзя было понять из них, хотя после [79] промывки бронзы буквы выступали вполне отчетливо. Буквы были чужеземные и более всего похожи на египетские»⁹⁷.

Основываясь на сравнительном изучении египетских и критских иероглифов, финский ученый Я. Сундвалл показал, что критская система письма заимствовала из египетской семьдесят иероглифических знаков⁹⁸. Таблица, в которой Я. Сундвалл приводит эти знаки, убедительнее всяких рассуждений. Правда, большая часть египетских иероглифов, встречающихся в критском письме, имеет другие значения, а многие из знаков претерпели известную модификацию⁹⁹. Например, египетский иероглиф (Sign-List, D26), изображающий две поднятые кверху руки, в критском письме видоизменяется: здесь руки не подняты, а скрещены. Очень часто египетские вертикальные знаки принимают в критском письме горизонтальное положение. Знаки, обозначающие меры веса, заимствованы критским письмом из египетской иератики; особенно поразительно сходство знаков, обозначающих дроби, с египетскими иератическими знаками. Цифры первого десятка в египетском и критском письме обозначаются одинаково — вертикальными штрихами: || 2, ||| 3 и т. д. Обе системы счета десятичные¹⁰⁰.

С. Доу высказал правдоподобное предположение, что критяне, имея постоянные сношения с Египтом, должны были знать папирус как материал для письма. Однако папирус не распространился на Крите. Это свидетельствует о том, что потребность писать у критян была несравненно меньше, чем у египтян, и что папирус — растение не критское¹⁰¹.

С египетским письмом тесно связана проблема происхождения алфавита. Как известно, родоначальником большинства алфавитов является финикийский алфавит. Происхождение алфавитов от финикийского выходит за пределы темы данной книги, но вопрос о генезисе финикийского алфавита имеет непосредственное отношение к египетскому письму. Проблему эту, очень интересную и сложную, еще в древности пытались разрешить по-разному. На египетское происхождение [80] финикийского письма указывал Тацит (*Annales*, XI, 14); среди финикийцев эллинистической эпохи сохранилось предание, приписывавшее изобретение финикийского письма египетскому божеству: Филон Библийский (финикийский мудрец Санхуниафон) называл изобретателем финикийского письма египетского бога Тота, покровителя письма и писцов¹⁰².

В современной науке проблеме происхождения финикийского алфавита было уделено много внимания. Однако в нашу задачу не входит ни полный обзор всех существовавших по этому вопросу гипотез, ни история этой проблемы.

Первым, кто указал на египетское происхождение алфавита, был основатель египтологии Ж. Ф. Шампольон: «...Европа, получившая от древнего Египта начатки науки и искусства, обязана ему еще одним неоценимым благодеянием — алфавитным письмом»¹⁰³. Великий французский ученый писал: «В этом древнем египетском фонетическом письме, сколь бы несовершенно оно ни было само по себе, можно, пожалуй, признать если не начало, то, по меньшей мере, образец, слепым подражанием которому, возможно, были алфавиты народов западной Азии и в

⁹⁷ Plutarchus, *De Genio Sokratis*, vol. 7, — цит. по ст.: А. Эванс, *Критское линейное письмо*, — ВДИ, 1939, № 3, стр. 18.

⁹⁸ J. Sundwall, *Der Ursprung der kretischen Schrift*, — «Acta Academiae Aboensis», Humaniora, Abo, 1920, Ss. 1–25.

⁹⁹ J. Sundwall, *Über kretische Masszeichen*, — «Acta Academiae Aboensis», Humaniora, Abo, 1924, S. 2; E. Grumach, *Kretisch-ägyptische Scheffelzeichen*, — «Archiv orientální», vol. 10, 1938, pp. 427–432.

¹⁰⁰ G. Sarton, *Minoan mathematics*, — «Isis», vol. 24, 1936, pp. 375–381, S. Dow, *Minoan writing*, — *AJA*, vol. 58, 1954, p. 125.

¹⁰¹ S. Dow, *Minoan writing*, — *AJA*, vol. 58, 1954, p. 111.

¹⁰² K. Sethe, *Ursprung des Alphabets*, S. 101.

¹⁰³ Ж.-Ф. Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите*, перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица, [М.—Л.], 1950, стр. 41.

особенности алфавиты соседних с Египтом наций»¹⁰⁴. Этому же мнению придерживались Шарль и Франсуа Ленорманы и известный семитолог Ж. Галеви. Начало финикийского алфавита в египетском иератическом письме видел и Э. де Руже¹⁰⁵.

Все эти положения, однако, были в гораздо большей степени догадками, чем обоснованными выводами.

Обратимся к фактам. Древнейшие финикийские надписи, дошедшие до нас, относятся приблизительно к XIII в. до н. э. Хотя сделаны они на камне и на металле, контуры букв округлены. Это свидетельствует о том, что финикийское письмо сложилось как курсивное в процессе длительного его применения на таком материале, который способствует стабилизации округлой формы знаков. Подобным материалом могли быть папирус, кожа и т.п. Очевидно, надписи, которыми мы располагаем, представляют собой сравнительно редкие образцы применения финикийского письма на твердых материалах. Памятников, свидетельствующих о возникновении финикийского письма, нет: они либо погибли, либо не найдены¹⁰⁶. [81]

Поскольку финикийское письмо нам известно в уже сложившемся виде, естественно и логично сопоставить его с какой-то из систем письма окружающих народов. Попытки вывести финикийский алфавит из кипрского силлабического письма, хеттских иероглифов, критского письма или ассиро-вавилонской клинописи потерпели неудачу¹⁰⁷, Клинопись в силу своей огласовки, а также потому, что она состоит исключительно из знаков, не имеющих никаких закруглений, не могла породить безгласный округлый финикийский алфавит.

Финикийское и египетское письмо имеют три общих момента:

- 1) направление справа налево;
- 2) безгласность;
- 3) акрофония алфавитных знаков (правда, в египетском письме акрофония только кажущаяся).

Выше рассматривалась причина безгласности египетской системы письма. Как установил А. Шэфер, в языке такой структуры, как египетский (и семито-хамитские языки), значение слова определяют в основном его согласные, гласные же играют только служебную грамматическую роль. Поэтому в идеографической системе письма подобного языка идеограммы обозначали только согласные, а когда идеограммы стали превращаться в фонограммы, последние передавали лишь сочетание согласных звуков. Безгласность финикийского алфавита могла быть им унаследована лишь от той системы письма, из которой он произошел. Такой системой письма могла быть только египетская.

Акрофония финикийского алфавита заключается в том, что каждый его знак (их 22) имеет свое название и выражает согласный звук, начинающий это название. В данном случае роли не играет, изображали знаки алфавита в неизвестном для нас прошлом те предметы, от которых они получили названия, как считают К. Зете и другие, или нет, как полагает Г. Бауэр¹⁰⁸. Важно то, что и египетский алфавит содержит ряд знаков, являющихся однозвучными фонограммами, происшедшими от идеограмм и означающими первый звук таких идеограмм. По существу это результат не применения принципа акрофонии, а отпадения слабых согласных в ряде египетских слов. Но в каждом случае, когда устойчивый, сильный согласный был начальным звуком, получалось впечатление акрофонии, например из *rʒ* произошло *r*, из *ht* — *h* [82] и т.д. Поэтому вполне понятно, что народ, соприкасавшийся с египтянами и знавший о существовании у них алфавита, воспринимал последний как следствие акрофонии.

Итак, общность этих моментов не могла быть случайной и указывает она на связь между финикийским алфавитом и египетским письмом. Однако было бы ошибочным полагать, что буквы финикийского алфавита происходят непосредственно от египетских иероглифов. Египетские алфавитные знаки в иероглифическом или иератическом облике или, фонетически соответствующие им, финикийские буквы не имеют никакого сходства. Возникает вопрос, где же звено, связывающее эти алфавиты. Ответ на него дают так называемые синайские надписи.

¹⁰⁴ Там же, стр. 40.

¹⁰⁵ См. К. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, Ss. 159–160.

¹⁰⁶ Ibid., Ss. 94, 95.

¹⁰⁷ H. Bauer, *Der Ursprung des Alphabets*, Leipzig, 1937, S. 14.

¹⁰⁸ К. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 102; H. Bauer, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 19.

Известный русский путешественник и церковный деятель середины прошлого века Порфирий Успенский в своих трудах говорит о «синайских надписях» и о том, что от них произошел финикийский алфавит. Однако Порфирий имеет в виду набатейские надписи¹⁰⁹, интересующие же нас тексты были обнаружены на Синайском полуострове в местности Сарбут (Серабит)-эль-Хадим в непосредственной близости от развалин египетских храмов.

А. Гардинер одним из первых изучил эти тексты и установил, что они написаны алфавитным письмом, так как в них встречается всего лишь 32 знака¹¹⁰. Бросается в глаза их палеографическая близость к египетскому иероглифическому письму, иначе говоря, их зависимость от него (об обратной зависимости, конечно, речи быть не может). Непосредственные ли это заимствования египетских иероглифов или просто подражание им — сказать трудно.

Р. Бютен, исследовавший с палеографической точки зрения ряд знаков синайских (или, как их часто называют, протосинайских) надписей, пришел к следующему выводу: синайские знаки значительно грубее египетских иероглифов, однако в них чувствуется некоторая самостоятельность¹¹¹. Шесть синайских знаков, исследованных Р. Ф. Бютеном, имеют несомненное сходство с египетскими. [83]

Установить египетский иероглифический прототип для каждого синайского знака весьма трудно, так как контуры синайских знаков неустойчивы. «Они, очевидно, недавно возникли и не успели отложиться в твердую, строго определенную форму»¹¹², — писал В. В. Струве.

Интересно, что отдельные синайские знаки изображают те предметы, по которым названы буквы финикийского алфавита.

Например, синайский знак, изображающий голову быка и явно заимствованный из египетской иероглифики, где этот знак означает слово «бык», соответствует первой букве финикийского алфавита — *aleph*, что также значит «бык», а синайский знак, изображающий незамкнутый прямоугольник и, безусловно, являющийся вариантом египетского иероглифа, представляющего дом, — второй букве финикийского алфавита — *beth*, что по-финикийски значит «дом». Как доказывают подобные соответствия, синайское письмо является связующим звеном между египетским письмом и финикийским алфавитом.

Исходя из этого, А. Гардинер приступил к анализу синайских текстов, выбрав группу из четырех синайских знаков. В. В. Струве, излагая ход работы А. Гардинера, писал: «Первый знак группы из четырех в сильнейшей степени, напоминает египетский иероглиф "дом", и, таким образом, соответствует тому предмету, которым названа вторая буква финикийского алфавита — *beth*. Второй знак группы, являясь иероглифом глаза, изображает предмет, которым названа семитическая буква *jīn*, т. е. "глаз". Третий знак несколько напоминает своей внешней формой семитическую букву *lamed* и, наконец, четвертый вполне тождествен по своему облику с последней буквой семитического алфавита *taw*»¹¹³. Так как фонетические значения финикийских букв и их названия связаны принципом акрофонии, приведенные четыре знака А. Гардинер прочел как *Bʿlt* (семитское слово «владычица»).

Если учесть, что эта надпись начертана на сфинксе, на котором имеется еще и египетская надпись, где упомянут «любимец (богини) Хатор, владычица бирюзы», то результат исследования А. Гардинера можно считать почти верным. Однако А. Гардинер отнесся к своему важному открытию с известной долей скептицизма: «К сожалению, я не имею предположительного чтения какого-нибудь другого слова, так [84] что дешифровка имени Баалат должна остаться, поскольку это касается меня, непроверенной гипотезой»¹¹⁴.

Открытие А. Гардинера вызвало огромный интерес к синайским надписям. Однако его метод не мог быть последовательно применен в отношении всех знаков синайского письма.

---

¹⁰⁹ См. работы Порфирия Успенского: «Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 году», СПб., 1856, стр. 173–174; «Надписи Киная Манафы на Синайских утесах», СПб., 1857.

¹¹⁰ А. Н. Gardiner, *The Egyptian origin of the Semitic alphabet*, — JEA, vol. 3, 1916, p. 16.

¹¹¹ R. F. Butin, *Some Egyptian hieroglyphs of Sinai and their relationship to the hieroglyphs of the Proto-Sinaitic Semitic alphabet*, — «Mizraim», vol. 2, 1936, p. 56.

¹¹² В. В. Струве, *Происхождение алфавита*, Пг., 1923, стр. 31.

¹¹³ Там же, стр. 39–40.

¹¹⁴ А. Н. Gardiner, *The Egyptian origin of the Semitic alphabet*, — JEA, vol. 3, 1916, p. 15.

Многие тексты плохо сохранились, некоторые знаки расплылись и невозможно сказать, что они изображают. Следовательно, очень трудно установить фонетическое значение знаков и соответствующие им названия финикийских букв. В одной из своих заметок В. В. Струве, применяя метод А. Гардинера, с большой вероятностью определил в синайском письме знаки, соответствующие египетским *m* и *z*¹¹⁵.

Как констатирует З. Харрис, «самыми древними образцами чисто алфавитного письма, известными в настоящее время, являются грубо выполненные надписи из египетских бирюзовых рудников в Серабит-эль-Хадиме на Синае, относящиеся, вероятно, к XIX в. до н. э.»¹¹⁶. Чтение А. Гардинером имени *Bʿlt* З. Харрис считает совершенно правильным.

Синайское письмо возникло под непосредственным воздействием египетской иероглифики — в этом нет ни малейших сомнений. О связи синайского письма с финикийским довольно осторожно говорит А. Гардинер: «...если даже новое синайское письмо не является именно тем письмом, от которого произошли финикийский и южносемитские алфавиты, я не вижу другой возможности как только считать его попыткой, сделанной в направлении создания алфавита...»¹¹⁷.

Вслед за А. Гардинером над дешифровкой синайских текстов работали К. Зете, М. Шпренглинг, Г. Гримме, Я. Лейбович и другие исследователи. Однако нельзя сказать, что исследование успешно продвигалось и что эти надписи можно надежно и точно перевести. Предложенные Г. Гримме и М. Шпренглингом «переводы» в большей степени являются догадками, чем филологическими обоснованными интерпретациями синайских текстов, и внушают самые серьезные сомнения в своей достоверности. Так, например, надпись № 357 М. Шпренглинг перевел: «я рудокоп Сахмилат, начальник рудника», тогда как Р. Бютен прочел ее следующим [85] образом: «пещера, которую СКМ изготовил для (следуют имена)».

В 1948 г. известный американский семитолог Ф. Олбрайт предложил свой метод перевода синайских текстов¹¹⁸. По мнению Ф. Олбрайта, причиной неудач его предшественников является то обстоятельство, что им не были еще известны новейшие достижения семитской филологии (преимущественно в области фонетики), совершенно необходимые при расшифровке семитских текстов. Несомненно, переводы Ф. Олбрайта филологически гораздо обоснованнее всех предшествующих, с которыми они имеют очень мало общего. Нужно добавить, что Ф. Олбрайт, полностью признавая первостепенное значение открытия А. Гардинера (чтение имени богини *Bʿlt*), резко расходится с ним в датировке текстов: А. Гардинер отнес их ко времени Среднего царства, тогда как Ф. Олбрайт, солидаризируясь в этом вопросе с Фл. Питри, открывшим рассматриваемые тексты, датирует их XVIII династией¹¹⁹.

Чрезвычайно важно установить, кто именно был создателем синайского алфавита. Все исследователи единодушны в том, что это были семиты. А. Гардинер первый указал, что создателями этого письма не могли быть номады Синая, так как весь уклад их жизни совершенно не соответствовал оседлости и упорному труду семитов, работавших на Синае¹²⁰.

Совокупность данных, которыми мы располагаем, и в частности египетские иероглифические тексты из Синая, совершенно бесспорно свидетельствуют о сильной египтизации синайских семитов¹²¹. Они хорошо знали обычаи и нравы египтян, были обучены египетским ремеслам, поклонялись египетским божествам.

Как правильно отмечает Ф. Олбрайт, эта сильная египтизация семитов Синая объясняется тем, что они были рабами и военнопленными египтян.

Резюмируя результаты своих изысканий, Ф. Олбрайт приходит к следующим выводам: синайские тексты написаны ханаанским алфавитом XVI в. до н. э. Ханаанским является и язык

¹¹⁵ V. Struve, *Note*, — JEA, vol. 10, 1924, p. 335.

¹¹⁶ Z. S. Harris, *A grammar of Phoenician language*, Philadelphia, 1936, pp. 11–12, 13.

¹¹⁷ A. H. Gardiner, *The Egyptian origin of the Semitic alphabet*, — JEA, vol. 3, 1916, p. 16.

¹¹⁸ W. F. Albright, *The early alphabetic inscriptions from Sinai and their decipherment*, BASOR, № 110, 1948, pp. 6–22.

¹¹⁹ *Ibid.*, p. 9 ff.

¹²⁰ A. H. Gardiner, *The Egyptian origin of the Semitic alphabet*, — JEA, vol. 3, 1916, p. 14.

¹²¹ J. Černý, *Semites in Egyptian mining expeditions to Sinai*, — «Archiv orientální», vol. 7, 1935, p. 381 ff.

этих текстов: он очень близок к языку текстов из [86] Библа и таблиц из Палестины Тель-эль-Амарнского архива, а также к угаритскому языку¹²².

Несомненно, синайское письмо сыграло весьма существенную роль в возникновении и формировании семитских алфавитов. По меткому выражению К. Зете, египетское иероглифическое письмо было для семитов не *Urbild*, а *Vorbild*, или говоря словами Ф. Шампольона, *modele methodique*¹²³. [87]

---

¹²² W. F. Albright, *The early alphabetic inscriptions from Sinai and their decipherment*, — BASOR, № 110, 1948, pp. 13, 22.

¹²³ K. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 133. — Исчерпывающий и подробный обзор всех гипотез о происхождении синайского письма содержится в монографии: H. Jensen, *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart*, Berlin, 1958, Ss. 237–262.